

КУЛЬТУРА КОНФЛИКТА Чыр-чатак маданияты Culture conflict

Аннотация: статья посвящена анализу влияния культуры на поведение в конфликте. Важное значение для культуры конфликта имеют социальные структурные интересы и психокультурные интерпретации. В обществах, где интересы остро различаются, и чужаки воспринимаются как угроза, культура конфликта носит насильственный характер, а там, где существуют пересекающиеся интересы, культура конфликта будет способствовать конструктивному урегулированию споров.

Аннотация: макала маданияттын чыр-чатакта өзүн-өзү алып жүрүүгө тийгизген таасирин анализдөөгө арналган. Чыр-чатак маданиятында социалдык структуралык кызыкчылыктар жана психомаданияттык түшүндүрүү өзгөчө мааниге ээ. Кызыкчылыктары учкул айырмаланган жана бөтөн элдер коркунуч катары кабыл алынган коомдордо чыр-чатак маданияты зордук-зомбулук мүнөзүндө турат.

Annotation: this article analyzes the impact of culture on behavior in the conflict. The importance of culture for social conflict are structural interests and psychocultural interpretation. In societies where interests differ sharply, and outsiders are perceived as a threat, a culture of conflict is violent. Conversely, where there are overlapping interests and where images of the internal and external groups is not much to polarize, the culture of conflict is more likely to contribute to a constructive settlement of disputes.

Ключевые слова: конфликт; культура; кросс-культурные связи; урегулирование; насилие.

Негизги сөздөр: чыр-чатак; маданият; кросс-маданияттык байланыштар; бир жаңсыл кылуу; зордук-зомбулук.

Keywords: conflict; culture; cross-cultural communication; settlement; violence.

Культура конфликта относится к особым культурным нормам и практикам, ассоциируемым в обществе с конфликтом. Она определяет, что люди ценят и по поводу чего они готовы вступить в спор, предлагает определенные способы поведения в конкретных спорных условиях и определяет учреждения, в которых рассматриваются споры.

Культура конфликта – относительно новое понятие. Сегодня под ним принято понимать нечто, выявляемое из совокупности, а не на индивидуальном уровне. Иначе говоря, культура конфликта – это не индивидуальная характеристика, она базируется на общих ценностях, состоит из общего понимания и общей практики для большинства людей.

Культура влияет на поведение в конфликте, но и конфликт можно понять через культуру поведения. Все конфликты происходят в культурном контексте, определяющем их течение и направление. Культура очерчивает границы социальных миров, руководствуясь ею, они классифицируют других людей (свой-чужой), оценивают возможные действия этих «других».

Конфликт отражает культурные приоритеты, кроме того, он может быть использован и для их изменения. Культура конфликта политична потому, что при определении действующих лиц приветствуются одни и не приветствуются другие. Культура конфликта обобщает главные ценности общества и отражает предыдущие конфликты, которые выдвигают на первый план одни группы и «задвигают» другие.

Важное значение для культуры конфликта имеют социальные структурные интересы и психокультурные интерпретации. В обществах, где интересы остро различаются, и чужаки воспринимаются как угроза, культура конфликта носит насильственный характер. И наоборот, там где существуют пересекающиеся интересы, и где образы внутренних и внешних групп не сильно поляризованы, культура конфликта, скорее, будет способствовать конструктивному урегулированию споров.

Кросс-культурные исследования показывают, что пересекающиеся связи снижают опасность внутреннего, и увеличивают шансы внешнего конфликта. В обществах с сильными пересекающимися связями индивиды не могут рассчитывать на большую и серьезную поддержку

сторонников, которые имеют общие с ними интересы, так как люди, мобилизованные на основании преданности, например, кровным узам, могут не сходиться в чем-то другом, например, местожительстве или традиционных связях. И наоборот, в обществах, где несколько оснований социальной дифференциации усиливают друг друга, мобилизация ядра группы сравнительно проста, и, таким образом, часто конфликт расширяется, и его трудно сдерживать.

Общины с пересекающимися узамы сдерживают обострение конфликта в случае его возникновения. Подобное невозможно в обществах с сильными внутренними связями, так как эти связи усложняют возможность организовать разнообразные и рассредоточенные группы и отдельных лиц, которые не ладят друг с другом продолжительное время. Кроме того, хотя общины с сильными пересекающимися связями могут быть относительно успешными в ограничении внутренних конфликтов, то же самое условие, которое способствует внутреннему единству, может иногда делать такие группы более этноцентричными во взаимодействии с другими.

В *преиндустриальных обществах*, кросс-культурные связи, которые ограничивают силу конфликта, могут быть сформированы разными способами. Первый общий механизм – через традиционные группы, такие как культы или организации по возрасту, регулярно собирающие вместе индивидуумов из разных общин. Другой часто используемый механизм – система кровных уз и брака, который рассеивает мужчин – близких родственников, потенциально являющихся ядром конфликтующей группы. И наоборот, прототипом общества со слабыми пересекающимися связями и высоким уровнем конфликтности может стать пример общества, где местные группы, состоящие из связанных родственными узамы мужчин, защищают общие интересы (землю, домашний скот, женщин и детей).

В политически нецентрализованных обществах эти объединенные интересами братские группы осуществляют эффективный политический контроль во многих общинах. В преследовании общих целей они могут развить межгрупповую координацию высокого уровня, тогда как их отношения с внешними группами часто нестабильны и сопровождаются всплесками конфликтов и насилия.

Эта модель в общем смысле актуальна, хотя теория подобных групп касается власти местных родственных групп мужчин в нецентрализованных обществах. Фактически, на каждом уровне социального комплекса специфические интересы, которые защищают мужские группы, отличаются, но существование групп мужчин с общими интересами, которые они защищают, широко распространено.

Теория социального структурного конфликта служит для выявления возможных оппонентов в конфликте общины лучше, чем для определения возможности конфликта вообще. Не все потенциальные проблемы становятся открытыми спорами, и во многих ситуациях гипотезы социологов (и других наблюдателей) о том, какая социальная проблема приобретет политическое значение, доказали свою несостоятельность. И те проблемы, которые прежде казались неизбежными, позже могут оказаться эфемерными. По большей части это происходит потому, что у нас слишком широкое представление об интересах, и мы слишком поспешно приписываем их действующим лицам, не убедившись в начале, что оппоненты смотрят на происходящее так, как предполагают наблюдатели. Если предположить, что действующие лица обязательно рационально преследуют свои собственные интересы, (как это делают микроэкономическая теория и теория рационального выбора), то надо либо определить, какие действия оппоненты должны предпринять, либо объявить все их действия рациональными.

Во многих структурных анализах считается, что проблематичные действия говорят сами за себя, во многом потому, что от этих теорий ожидают большего, чем они могут дать. Мало кто задается вопросом, почему в некоторых ситуациях отдельные лица так легко приравнивают свои собственные интересы к интересам группы. Хотя выявление социальных структурных и экологических интересов в конфликте в основном бывает правильным, объяснение конфликта, основанное только на этих соображениях, часто бывает неполным, и поэтому может ввести в заблуждение. Интересы редко говорят сами за себя участникам или наблюдателям, как может показаться из теории структурного конфликта. Точно также сила воздействия многих интересов настолько выше, чем «разумный» наблюдатель может ожидать, что становится очевидным, что что-то еще вовлечено в процесс. Здесь психо-культурная теория может заполнить важные пробелы нашего понимания конфликта.

Психо-культурные тенденции – это глубоко укоренившиеся, социально сформированные внутренние представления о себе, других и социальном мире человека, которые являются общими

для общества. Этот термин характеризует как психологические процессы, так и социальные. Примеры соответствующих психо-культурных тенденций: уровень доверия людям внутри и вне чьей-либо родственной группы, убеждение в существовании *супернаци*, чувство личной и общественной идентичности. Такие тенденции становятся строительным материалом первостепенного значения (но не единственными элементами) в интерпретациях, которые объясняют происхождение и развитие конфликтов.

Психо-культурные тенденции приобретаются различными путями. Некоторые возникают из ситуативных сил, имеют сравнительно небольшое влияние и включают в себя такие механизмы обучения, как, например, *метод проб и ошибок*, *прямых наставлений*, *моделирования*. Понимание того, как культура помещает определенных индивидуумов в различные социальные ситуации, предполагает, что она может многому научить и объяснить, как эти индивидуумы впоследствии ориентируются в мире.

Другие тенденции, которые принято назвать «*экспрессивными*» и «*проективными*», приобретаются через процессы, лучше описанные современной *психоаналитической теорией*. Описания в ее рамках религиозных верований и интерпретации болезней подходят к этой категории, но к ней также подходят и взгляды на конфликт и его урегулирование. В случае последних их неоднозначность и сильное воздействие объединяются с недостатком прямых доказательств, которые могли бы изменить убеждения или действия.

Современные идеи психоанализа особенно полезны при рассмотрении психо-культурного строения социальных миров. Эта работа уделяет особое внимание социальной коммуникации и взаимодействию с первых дней жизни человека, помещая психологическое развитие непосредственно в социальную сферу. Этот подход привлекает наше внимание к тому, как ранние взаимоотношения создают модель или образец для более поздних, предлагает набор стандартов, по которым группы и индивидуумы оценивают свои социальные миры. Не считая предположений о культурной однородности или распределении типов личности в обществе, идеи психоанализа также помогают нам построить правдоподобное объяснение силы, связанной с конфликтом убеждений и поведения, выявить социальные процессы, относящиеся к приобретению этих убеждений и моделей поведения.

Индивидуальное развитие и последующие коллективные действия связаны между собой аналогичным, более ранним (часто доречевым), опытом членов группы, что ведет к общему мировоззрению и чувству общей идентичности. Ранний опыт изначально основывается на первых ощущениях (таких как запах, вкус и звук), и только позже включает более когнитивный компонент. Этот ранний опыт приобретает первостепенное значение для развития социальной идентичности, которая привлекает внимание не только к общему опыту членов группы, но также и к развивающимся задачам включения этого общего опыта в индивидуальную идентичность.

Формирование групповой идентичности часто придает чрезмерное значение тому, что разделяют члены группы, усиливая эти элементы идеологией связанной судьбы. Процесс, пожалуй, лучше всего рассматривать как психо-культурную «регрессию к посредственности», где то, что разделяют индивидуумы, подчеркивается как на эмоциональном, так и на когнитивном уровне, а отклонения от нормы избирательно игнорируются или негативно усиливаются как несовместимые с групповым членством.

Таким образом, можно утверждать, что в основе общей модели развития лежат культурно-разделенные интерпретации по поводу себя и социального мира, которые уходят корнями в ранний социальный опыт, а также регулярно и основательно усиливаются через разнообразные культурно-поддерживаемые послания и опыт.

Этот опыт создает основу для развития и усиления внутренних мыслительных представлений, которые позже служат образцом интерпретации действий других людей, а также руководством собственного поведения человека. Тенденции, освоенные в раннем детстве, не только соответствуют уровню восприятия, но также применимы для специфических моделей поведения, которые служат человеку в течение всей его жизни (например, как реагировать на воспринятую обиду, когда переходить к физической агрессии, или кому верить). Разделенные оппонентами интерпретации значений социальных действий частично объясняют реакции на определенные ситуации. К тому же, различия в интерпретациях имеют первостепенное значение для понимания того, почему то, что кажется назначительной проблемой для наблюдателей, может привести к серьезному продолжительному конфликту, и почему два конфликта, относящиеся к одной и той же объективной причине (например, кража скота или дискриминация на работе), могут протекать по-разному. Только лишь объективные ситуации не ведут к открытому

конфликту, центральное место занимают интерпретации таких ситуаций. Если одинаковые объективные условия приводят к различным реакциям, объяснение конфликтного поведения требует большего, чем просто выявление, анализа лежащих в основе объективных условий.

Литература

1. Ионин Л.Г. Социология культуры [Текст] / Л.Г.Ионин.– М.: Логос, 2000. – 280 с.
2. Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России: сборник статей [Текст] / Ин-т «Справедливый Мир», Фонд им. Фридриха Эберта / под ред. Л. И. Никовская (отв. ред.), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец. - Москва: Ключ-С, 2012. - 352 с.
3. Майерс Д. Социальная психология [Текст] 7-е изд./ Д. Майерс.– СПб.: Питер, 2016.- 800с.
4. Мэй Р. Искусство психологического консультирования [Текст] / Р. Мэй. – М.: ЭКСМО-Пресс,2002. - 256 с.
5. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения [Текст] / Р. Фишер, У. Юри. - М.: Наука, 1992. -158 с.
6. Флиер А.Я. Культурология. XX век. Энциклопедия в 2-х томах [Текст] / под ред. С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга,1998. – 640 с.